

УДК 821.111(73)
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-135-145
<https://elibrary.ru/zqiuyy>

EDN ZQIUYY

O restless restless race: пионерство как единица идеологической системы Уолта Уитмена (на примере стихотворения “Pioneers! O Pioneers!”)

Погадаева Евгения Владимировна
аспирант кафедры мировой литературы и культуры
преподаватель кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. motus.animi.continuus13@gmail.com

SPIN-код: 2250-7410
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1655-2673>
ResearcherID: IUO-1215-2023

*Статья поступила в редакцию 02.05.2025
Одобрена после рецензирования 13.05.2025
Принята к публикации 15.05.2025*

Информация для цитирования

Погадаева Е. В. O restless restless race: пионерство как единица идеологической системы Уолта Уитмена (на примере стихотворения “Pioneers! O Pioneers!”) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 135–145. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-135-145. EDN ZQIUYY

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа онтологических и аксиологических основ «американского» на примере стихотворения Уолта Уитмена “Pioneers! O Pioneers!”. Актуальность исследования обусловлена значением Уолта Уитмена для мировой литературы, а также недостаточной изученностью в его творчестве пионерства, неразрывно связанного с «американским». В работе делается вывод о том, что под пионерством Уитмен понимает, скорее, не продвижение фронтисменов на Запад, а полноту освоения человеком мира, открытие новых горизонтов, переустройство мира. Пионерство, общеамериканская культура, выходит в поэтическом пространстве Уитмена на вселенский уровень: пионеры становятся новой расой людей, способных вести за собой весь мир и реализовать демократические идеалы свободы, равенства, братства, счастья. Пионер, настоящая Человеческая Личность, предстает в художественно мире Уитмена идеальным гражданином Нового Мира – творческим, созидающим, трудолюбивым, смелым, гордым, сильным, молодым, настоящим гигантом, вышедшим из природы и способным на все. Стихотворение проникнуто Уитменовской идеологией радости, выражющейся в бесконечной вере в американцев и всех людей планеты, в светлое будущее Америки, авангард мира, и «американскую мечту». Америка в стихотворении, являясь некой вечно эволюционирующей, направленной в будущее и конгруэнтной космосу бытийной субстанцией, становится в произведении *бытием вообще для человека вообще*. Это бытие находится в процессе формирования и становления, как и национальное сознание Уитмена, отраженное в его поэзии.

Ключевые слова: «американское»; Новый Мир; онтологические основы «американского»; аксиологические основы «американского»; пионерство; Уолт Уитмен; Pioneers! O Pioneers!

Введение

В анализируемом нами стихотворении Уолта Уитмена «Пионеры! О, пионеры!» («Pioneers! O Pioneers!», 1865) отражен период освоения фронтисменами (скваттерами, охотниками-пионерами, лодочниками, паромщиками) территорий, находящихся на западе от Аппалачей и принадлежащих до победы тринадцати британских колоний в революционной войне за независимость 1775–1783 гг. Великобритании. Освоение Запада окончательно закончилось лишь в 1890 г., и Уитмен, можно сказать, был свидетелем этого уникального американского исторического процесса.

Ведущие отечественные исследователи творчества Уитмена либо вообще не обращались к стихотворению «Пионеры! О, пионеры!», либо комплексно не анализировали его. Из существующих работ, посвященных поэзии Уитмена, в которых упоминается, но детально не изучается это стихотворение, можно выделить книгу «Жизнь и творчество Уитмена» (1965) М. О. Мендельсона, в которой отмечается, что Уитмен романтизирует пионеров, представляет их в утопическом ключе, а также выходит за границы Америки и обращается к творческой деятельности человека вообще,двигающего прогресс [Мендельсон 1965: 152–153]. Среди последних работ российских ученых можно выделить диссертацию И. В. Никитиной «Мифопоэтика листвьев травы» (2012), в которой автор утверждает, что Уитмен в стихотворении «Пионеры! О, пионеры!» создает образ национального героя Америки, храброго, упорного, чувствующего бесконечные радость и оптимизм, являющегося человеком, равным богу, движущегося к достижению демократической мечты [Никитина 2012: 159–160; 161]. Кроме того, А. Л. Логинов в диссертации «Концепт “American dream” в творчестве Уитмена» (2013), обращаясь к стихотворению Уитмена, указывает на ключевую роль в нем темы труда, являющейся неотъемлемой частью всей поэтики Уитмена в целом: на примере образа пионера-первоходца «поэт воспевает труд, который неотделим от борьбы и познания окружающего мира» [Логинов 2013: 64–65].

Зарубежных исследований, посвященных стихотворению «Пионеры! О, пионеры!», также не очень много. Среди трудов, в которых предлагаются некоторые замечания по метрике и ритмике стихотворения, можно отметить исследования «Pioneers! о Pioneers!» Э. Г. Флетчера [Fletcher 1947] и «On the Trochaic Meter of Pioneers! О Pioneers!» Г. У. Аллена [Allen 1949]. Кроме того, среди работ, в которых упоминается, но детально не изучается «американское» в стихотворении «Пионеры! О, пионеры!», можно вы-

делить книгу «A Critical Guide to Leaves of Grass» Дж. Э. Миллера. Ученый предлагает некое религиозное трактование этого стихотворения Уитмена: по его мнению, образ пионера в произведении участвует в развертывании идеи «мистической эволюции» (mystic evolution) Америки, стремящейся навстречу идеальному и универсальному, а движение на Запад является кульминацией этой эволюции [Miller 1966: 211–212]. Другой уитменовед, Р. Асселино, в работе «The Evolution of Walt Whitman» отмечает, что в художественном мире стихотворения «Пионеры! О, пионеры!» появляется новая раса, которая в своем единстве способна выполнить ее предназначение – реализовать демократическую мечту [Asselineau 1999: 155–156].

Несмотря на то что российские и зарубежные ученые выделяют характерные особенности тематики и проблематики стихотворения «Пионеры! О, пионеры!», одного из ключевых в творчестве Уитмена, в котором выразились его мировоззренческие установки, оно до сих пор до конца не исследовано и ранее комплексно не изучалось с точки зрения онтологических и аксиологических основ «американского».

Историко-литературный контекст

Уитмена нельзя назвать первоходцем в обращении к теме пионерства среди американских писателей: в какой-то мере поэт продолжает идеи Дж. Ф. Купера, разрабатывающего национальную тему «границы» (фронтира) в своей пенталогии о Кожаном Чулке («The Leatherstocking Tales», 1826–1841). Однако, безусловно, тема пионерства раскрывается писателями по-разному: если Купер рассматривает продвижение пионеров на запад как «разбойный налет хищников» [Ковалев 1989: 559] и размышляет о трагической судьбе коренных жителей континента, безжалостно истребляемых пионерами, то Уитмен, наоборот, превозносит доблестных пионеров,двигающих Америку вперед, и, создавая собственную мифологию, обходит стороной индейскую тему, которая так и не стала основополагающей для североамериканской культуры, в отличие от второй Америки, Латинской, где индейский «субстрат» стал неотъемлемой частью латиноамериканского художественного сознания [Зверев 1999: 46–47].

Стихотворение Уитмена «Пионеры! О, пионеры!» («Pioneers! O Pioneers!») впервые было опубликовано в 1865 г. в сборнике стихотворений «Барабанный бой» («Drum-Taps»). В дальнейшем произведение «Пионеры! О, пионеры!» было помещено без изменений в последующие издания «Листьев травы» («Leaves of Grass») 1867, 1871, 1876 гг. в раздел «Маршируем! Вой-

на закончилась» (“Marches Now the War is Over”). В последних двух изданиях 1881 и 1892 гг. оно также не подверглось изменениям, но публиковалось уже в разделе «Перелетные птицы» (“Birds of Passage”). Помещение произведения в новый раздел, стихотворения которого объединены темой миграции, движения американца и человека вообще во времени и пространстве, как отмечают исследователи (см., например, [Asselineau 1999: 132]), придало специфически американскому опыту универсальный масштаб.

Стихотворение вышло в печать в год окончания Гражданской войны, которая затронула жизнь каждого американца. Уитмен, в довоенных стихах воодушевленно выступавший за дело Севера, сам в войне не участвовал, скорее всего, поскольку, как замечают исследователи, он, убежденный, что «враги в этой войне не южане и северяне, а народ Америки и торгари, политики, рабовладельцы, прочие паразиты, к нему присосавшиеся» [Венедиктова 1982: 104], не мог примкнуть ни к одной стороне в этой раздирающей Америку войне, которая привела к тому, что «мечта человечества, славный союз, который мы считали таким крепким, непоколебимым, – вдруг разлетелся вдребезги, как фарфоровая тарелка!» [Уитмен 1954: 257] – пишет Уитмен в «Избранных днях» (“Specimen Days”, 1882). Однако он не стоял в стороне от национальной катастрофы, с 1862 по 1865 г. день и ночь работая в военных госпиталях и лазаретах и выхаживая раненых солдат. Постоянное подвергание своего здоровья, как физического, так и ментального, опасности, не могло не сказаться на поэте: он навсегда остался невротиком и, в конечном счете, сделался инвалидом, после того как его в 1873 г. разбил паралич (см. [Pattee 1915: 172–173]). Опыт тех лет, безусловно, повлиял и на все последующее творчество Уитмена. Как писал он сам: «Если бы не те три или четыре года и все, что я тогда пережил, “Листьев травы” сейчас не существовало бы» [Whitman 1888: 14].

«Героическая мечта и воспоминание – вырвались всепоглощающим пламенем и переросли в пожар, быстро и неистово распространяющийся и бушующий, покрывающий собой все», – пишет Уитмен о войне в «Ноябрьских ветвях» (“November Boughs”, 1888) [Whitman 1964: 706]. Под «воспоминанием» поэт, вероятно, имеет в виду память об Американской революции 1775–1783 гг., обогнавшей Французскую революцию и закончившейся успехом, в отличие от европейских революций 1848–1849 гг., в чем Уитмен видит явное превосходство передовой Америки по сравнению с Европой. Примером тому служат не только прозаические произведе-

ние поэта, но и, например, стихотворение «Европейскому революционеру, который потерпел поражение» (“To A Foil’d European Revolutionaire”, 1856).

Несмотря на то что, как утверждает поэт, после войны стало ясно, что «демократия нашего Нового Мира <...> обернулась почти полной неудачей», что «...общество в этих штатах гнилое, покрытое язвами, незрелое, полное суеверий...» [ibid.: 370], Уитмен продолжал поддерживать принципы «американизма» Т. Джефферсона и Т. Пейна, яростно выступающих против феодализма, выражавших интересы народа.

Возможно, именно с памятью об успехах прошлого, с утопичной верой в «американскую мечту» и ничем не омраченное будущее Америки, страны избранных Богом, связано нежелание Уитмена при публикации новых изданий «Листьев травы» вносить какие-либо изменения в стихотворение, наполненное радостью и оптимизмом, провозглашающее священную миссию американцев раздвигать для всех остальных существующие границы, упорно двигаться к достижению демократической мечты.

Ритмическая, звуковая и графическая организация стихотворения

Уже в возвышенно-патетическом названии *Pioneers! O Pioneers!*, содержащем два восклицательных знака, Уитмен вводит тематический образ пионера, на развитии и трансформации которого построена лирическая композиция стихотворения. Всему произведению в целом присущ эмоционально-повышенный торжественный тон, сближающий стихотворение с песней.

Говоря о форме стихотворения, исследователи отмечают, что «Пионеры! О, пионеры!» в плане размера является одним из самых «регулярных» произведений Уитмена [Allen 1975: 241]. Несмотря на то что построенное на хореическом ритме стихотворение, действительно, выделяется на фоне всех остальных написанных верлибром произведений «Листьев травы», в полной мере регулярным его назвать нельзя: в нем отсутствует рифма, строки различны по слоговому объему и порядок их смены непредсказуем, спорадически в нем возникает ямб.

Уже в патетическом зачине-обращении с помощью хореической инерции, задающей стихотворению марширующий тон, императивов *come, follow, get*, а также риторических вопросов лирический герой призывает не только американцев, но и всех людей планеты последовать за ним и принять участие в походе пионеров, с помощью топора (*sharp-edged axe*), образ-символа пионерства и Америки в целом (см. об

этом: [Погадаева 2024: 78–97]), прорубающих себе путь на Запад, а значит, расширяющих горизонты мира.

Однако ритмическая основа постоянно меняется: ударение может падать и на четные слоги,

Come, my tan-faced children,
Follow well in order, get your weapons ready,
Have you your pistols? have you your sharpedged axes?
Pioneers! O pioneers! [Whitman 2011: 371]

Несмотря на отсутствие постоянной меры в стихотворении, его архитектонический каркас, в рамках которого происходит логико-смысловое развитие лирического сюжета и развертывание образа пионера, чрезвычайно прочен, что достигается с помощью использования поэтом системы симметричных строф, завершающихся повторяющим название стихотворения рефреном *Pioneers! O pioneers!* и состоящих из четырех стихов: коротких первой (по 6–9 слов) и четвертой строк (по 7 слов) и длинных или сверхдлинных второй и третьей строк (по 12–17 слов) с цезурой посередине. Кроме того, стихи наполнены многочисленными синтаксическими параллелизмами, подхватами, анафорами, повторами (как лексическими, так и фонетическими), структурирующими стихотворение, скрепляющими участвующие в развертывании тематического образа пионера смысловые связи стихов и строф, придающие стиху напевность. Приведем в пример вторую строфиу стихотворения (в скобках указано количество слов):

For we cannot tarry here, (7)
We must march my darlings, we must bear
the brunt of danger, (14)
We, the youthful sinewy races, all the rest
on us depend, (16)
Pioneers! O pioneers! (7) [ibid.].

Обе разделенные цезурой части второго стиха начинаются с анафорического повтора *we must*, апеллирующего к моральному долгу американцев не стоять на месте (*tarry here*), а двигаться вперед, преодолевая все опасности (*march; bear the brunt of danger*). Используя анафору *we*, которая объединяет вторую и третью строки и с помощью которой в стихотворении выражено лирическое «я», воплощающее собой всеобщность, поэт побуждает не только американцев, но и людей всего мира присоединиться к пионерам. Образ пионеров «оркестрован» на *r* (*tarry, here, march, darlings, bear, brunt, danger, races, rest, pioneers*), что придает ему воинственность и усиливает

благодаря чему ритм становится менее предсказуемым и менее однообразным, напоминая собой естественные взмахи топором, естественный – не искусственный, не выверенный – марш пионеров:

Ударные слоги
ÚUÚUÚU
ÚUÚUÚUÚUÚU
ÚUUÚUÚUÚUÚU
ÚUÚUÚUÚ

I, III, V
I, III, V, VII, IX, XI
I, IV, VI, IX, XI
I, III, IV, V, VII

«ореол» центрального слова-образа *pioneers*, которое «окружается родственной звуковой средой» (подобное явление обнаружил Ю. Н. Тынянов, анализируя лирику Ломоносова [Тынянов 1977: 227–252]).

На уровне клаузулы стремление к расшатыванию «строгой», предсказуемой хореической структуры проявляется в прихотливом чередовании окончаний разных родов, что можно увидеть, например, в приведенных выше первых строфах стихотворения, состоящих преимущественно из акаталектических стихов: только в третьем стихе второй строфы появляется мужское окончание (*depend*), концентрирующее на себе внимание читателя и еще больше подчеркивающее роль пионеров в раздвижении границ Америки и всего мира (*all the rest*), которое зависит именно от них, людей творческих, предприимчивых, смелых, решительных.

Как точно замечает С. Брэдли, для поэзии Уитмена характерен «органический ритм» (“organic rhythm”) [Bradley 1939: 437–459]. Исследователь, применяя этот термин по отношению к поэзии Уитмена, следует за С. Т. Кольриджем, разделяющим форму на механическую, «когда на данный нам материал мы налагаем заранее намеченную форму, которая не обязательно присуща самому материалу», и органическую – она «возникает из самого произведения и в полноте своего развития идентична совершенству его внешней формы» [Кольридж 1987: 285]. С этим нельзя не согласиться: даже если в стихотворении «Пионеры! О, пионеры!» усматривается тенденция к использованию традиционного размера, поэт строго не следует его законам: ритм разрастается по всему произведению словно трава или ветви дерева, гармонично, естественно и природно.

Пионер – идеальный гражданин Нового Мира

Идея закономерности освоения земель Америки, на которой настаивает Уитмен и в стихотворении, и во всем своем творчестве, безусловно,

неслучайна: она была взращена распространенной в Америке в ту эпоху концепцией «Предопределения судьбы» или «Явного предначертания» (Manifest Destiny), подчеркивающей исключительность американцев, их особую судьбу, безгреховность их деяний перед Богом (см.: [Сиротинская 2017: 101–113]). Используя для описания американцев синекдоху *youthful sinewy races*, Уитмен подчеркивает их избранность и исключительность: американцы – народ молодой, сильный, состоящий из множества рас и народностей, он превосходит все другие народы, и именно ему предначертано вести за собой весь остальной мир.

В третьей и четвертой строфах поэт развивает мотивы, которые он вводит в первых двух четверостишиях: трижды повторяя слово *youths*, Уитмен вновь указывает на молодость американской нации по сравнению в первую очередь с дряхлой Европой, для обозначения которой поэт использует синекдоху *the elder races*. Используя повтор слова *full* (“...full of action, full of manly pride and friendship...” [Whitman 2011: 371]), Уитмен выводит качества, присущие американцам, на новый уровень: они максимально, до предела решительные, гордые, дружелюбные, именно они представляют собой авангард мира (“...tramping with the foremost...” [ibid.]), именно они способны извлечь урок из прошлого много-векового опыта европейцев (что заметно в третьем стихе четвертой строфы, где повторяется союз *and*), и именно им суждено выполнить предназначение всего человечества, что выражено эпитетом *eternal* в словосочетании *task eternal*, – двигаться вперед и вести всех за собой.

С пятого четверостишия по пятнадцатое темп стихотворения усиливается, становится более резким и прерывистым за счет преобладающих мужских клаузул над женскими. Слова, находящиеся на финальной поэзии стихов и полустиший с мужскими клаузулами, представляют собой ряд слово-образов, концентрирующих в себе многие образно-тематические векторы и участвующих в трансформации центрального образа стихотворения – образа пионера: *behind, world, seize, march, steep, ways, within, we, plateaus, come, intervein'd, race, all, exult, rear, ranks, dead, filled, defeat, on, die, us, beat, front*.

Первое слово в этой части стихотворения, обращающее на себя внимание, – наречие *behind*, которое связано с категорией времени в поэтике Уитмена: для пионеров, американцев не существует прошлого (“All the past we leave behind...” [ibid.: 372]), есть лишь сегодняшний день, *to-day* (“...We to-day's procession heading, we the route for travel clearing...” [ibid.: 374]) и устремленность в будущее.

Второй слово-образ *world* охарактеризован поэтом эпитетами *newer, mightier* и *varied* и связан с образом Нового, наиболее могущественного и разнообразного из всех существующих мира, который строят американцы-пионеры, приехавшие из Европы на новую землю. Кроме того, в этом четверостишии появляется также мотив насильственного захвата земель Северной Америки, чем лирический герой гордится – американцам удалось завоевать первозданный, наполненный жизнью мир (“We primeval forests felling...” [ibid.]), найти рай на земле, что выражено эпитетами *fresh* и *strong*: “...Fresh and strong the world we seize...” [ibid.].

Следующее ударное слово-образ *march* стоит в паре со слово-образом *labor* (“...world of labor and the march...” [ibid.]), указывая на то, что Америка в художественном мире Уитмена стоит на двух столпах – труде и движении вперед. Мотивы труда и движения неразрывно связаны с образом пионера – человека в первую очередь созидающего и устремленного вперед.

Слова-образы *steep* (“...up the mountain steep...” [ibid.]) и *ways* (“...go the unknown ways...” [ibid.]), которыми заканчиваются второй и третий стихи шестой строфы, а также перечисления с устойчивым единобразием концовок *throwing, conquering, holding, daring, venturing* эмфатически подчеркивают быстрый безостановочный темп пионеров, для которых не существует никаких преград в завоевании новых земель.

Наречие *within*, заканчивающее второй стих седьмой строфы и выделяющееся ударением на последнем слоге, указывает на устремленность пионеров в глубь континента и вновь подчеркивает отсутствие видимых для них границ, что усиливается с помощью синтаксического параллелизма во втором и третьем стихах четверостишия:

We the rivers stemming, vexing we and piercing
deep the mines within,

We the surface broad surveying, we the virgin
soil upheaving... [ibid.]

Местоимение *we*, вынесенное в конец первой строки восьмой строфы с инверсивным положением слов “Colorado men are we...” [ibid.] и в конец синтаксически параллельного ей полустишья “...Central inland race are we...” [ibid.] в девятой строфе, а также ударные слова *plateaus, come* и *intervein'd* связаны с образом пионеров-американцев, двигающихся на Запад из разных уголков Америки – их число бесконечно увеличивается с помощью анафорического повтора *from*. На своем пути они (из Европы – в Америку, с востока Америки – на Запад) сроднились друг с другом (“...continental blood intervein'd...” [ibid.]): вне зависимости от того, что американцы

двигутся из разных частей континента и мира, они едины в поэтическом мире Уитмена:

Colorado men are *we*¹,
From the peaks gigantic, from the great sierras
and the high *plateaus*,
From the mine and from the gully, from the hunting
trail we *come*,
Pioneers! O pioneers!

From Nebraska, from Arkansas,
Central inland race are *we*, from Missouri, with
the continental blood *intervein'd*,
All the hands of comrades clasping, all the
Southern, all the Northern,
Pioneers! O pioneers! [ibid.]

Слово-образ *race*, употребленное в десятой строфе впервые в стихотворении в единственном числе, указывает на смысловой сдвиг, произошедший в развитии тематического образа: американцы, состоящие из разных рас и народностей, окончательно начинают рассматриваться как одно целое – раса пионеров. Кроме того, ударное слово *race* становится частью сложного образно-звукового комплекса: в первом стихе десятой строфы “*O restless restless race!*” [ibid.] возникает локальная звукопись: повторяется скрежещущее, шипящее сочетание звуков *rssstss-rstress-rs*, усиливающие решительность, непобедимость, энергичность, силу американцев, которых ничто не остановит на пути к их цели. Уитменовским стремлением к трансцендентной радости проникнуто все стихотворение, но в особенности эти строки десятой строфы:

O restless restless race!
O beloved race in all! O my breast aches with
tender love for all!
O I mourn and yet exult, I am rapt with love for
all... [ibid.]

Американский народ экзальтированно восхваляется и превозносится как с помощью анафоры, выраженной междометием *O!*, и повтора *all*, так и с использованием антитезы *mourn – exult*, указывающей на неоднозначные чувства лирического героя к американцам.

Во вновь повторяющемся ударном слове *all* в сверхдлинном втором стихе одиннадцатой строфе, одном из немногих стихов стихотворения, имеющих двойную цезуру, виден призыв служить Америке, вечно соблюдая идеалы, заложенные в Конституции. Америка в стихотворении «Пионеры! О, пионеры!», как и во всей поэзии Уитмена, предстает в художественном мире поэта в виде женщины, матери:

Raise the mighty mother mistress,
Waving high the delicate mistress, over all the
starry mistress, (bend your heads all,)
Raise the fang'd and warlike mistress, stern, im-
passive, weapon'd mistress... [ibid.]

Однако в произведении добавляется новое измерение в образе Америки: она олицетворяется и предстает женщиной-предводительницей пионеров, воительницей, ведущей их за собой, что подчеркивается пятикратным повтором слова *mistress* в строфе. Именно персонифицированный образ Америки олицетворяет идеального американца-пионера: нежного, чувствительного (*delicate*) и сурового (*stern*), воинственного (*warlike*), холодного (*impassive*) одновременно, наделенного природными чертами (*fang'd – клыкастый*).

Следующее ударное в этом выделяемом нами блоке стихотворения слово *rear*, заканчивающее первое полустишие второго стиха двенадцатой строфы и незапрограммированно рифмующееся с *pioneer*, вновь связано с мотивом избранности американцев, которые не могут подвести надеющийся на них весь мир: они не уступят европейцам, никогда не остановятся, оставляя всех далеко позади.

Тринадцатая строфа переполнена ударными словами *ranks, dead, fill'd, defeat*, получающими в ней особую эмфатическую силу. Четверостишие построено на выступающих здесь как параллельные конструкциях (*on – on, with – with, through – through*), еще сильнее подготняющих пионеров идти вперед: остановка немыслима в поэтическом космосе Уитмена, несущемся вперед со скоростью света (“*Lo, the darting bowling orb!..*” [ibid.: 374]). Активными организующими инструментовку в этой строфе являются согласные звуки *r* и *d*, на протяжении четверостишия как будто бы ведущие между собой борьбу: образ пионера, мотивы бесстрашия и движения вперед вновь оркестрованы на *r* (*ranks, accessions ever waiting, through the battle, through defeat, never stopping, pioneers, pioneers*), мотивы поражения, смерти – на *d* (*dead, fill'd, defeat*). Получающийся в строфе таким образом звуковой узор *r-r-dd-d-r-r-d-r-r-r* отражает смысловой сюжет стихотворения: звук *r* окончательно поглощает звук *d* – даже смерть не способна остановить вечный ход пионеров.

Этой строфе семантически параллельна следующая за ней четырнадцатая строфа с ударными словами *on, come, die, fill'd*, в которой Уитмен вновь обращается к мотиву смерти. Смерть в ней начинает восхваляться (как и в десятой строфе возникает междометие *O!*): умереть пионером – значит умереть героем:

O to die advancing on!

Are there some of us to droop and die? has the hour come?

Then upon the march we fittest die, soon and sure the gap is fill'd... [ibid.]

В пятнадцатой, завершающей этот блок строфе заметно единение лирического героя со всем миром. Ударные слова располагаются в строфе следующим образом: *world – us – beat – front – us*. Смещением репризы с начальной части строфы в заключительную достигается эффект обратного интонационного движения, которым строфа и заканчивается: реприза появляется именно тогда, когда она менее всего ожидается, после второй – обычно не вводимой поэтом в стихотворении – цезуры. Весь мир поддерживает пионеров, и весь мир марширует вместе с лирическим «я», выраженным коллективным местоимением *us*.

В следующем блоке стихотворения, начинаясь с шестнадцатой строфы, темп произведения немного замедляется: лирический сюжет подходит к своему завершению. Заключительная часть начинается с использованием Уитменом приема каталогизации и повтора *all*, с помощью которых поэт перечисляет всех существующих в мире пионеров. При этом это перечисление построено на оппозициях (*the righteous – the wicked, the joyous – the sorrowing, the living – the dying*), усложняющих образ пионера, становящийся еще более универсальным.

Лирическое «я», воплощающее в поэтическом мире Уитмена одновременно и индивидуальность, и всеобщность, на мгновение выходит из ряда пионеров: оно предстает впервые в стихотворении единством «я», тела и духа, вместе составляющих единое «мы»: «I – my soul – my body – we»:

I too with my soul and body,

We, a curious trio, picking, wandering on our way,

Through these shores amid the shadows, with the apparitions pressing... [ibid.]

Только после окончательного осознания в себе нераздельности личного и всеобщего, лирический герой становится способен полностью присоединиться ко всему миру, слиться с ним – со всеми американцами, всеми людьми, живущими на земле, выходя за ее пределы на космический уровень. Мир Америки Уитмена становится конгруэнтным миру космоса:

Lo, the brother orbs around, all the clustering suns and planets,

All the dazzling days, all the mystic nights with dreams,

Pioneers! O pioneers!.

These are of us, they are with us... [ibid.]

В конце стихотворения Уитмен отдельно обращается к женщинам-пионерам, женщинам-матерям и женам пионеров («O you daughters of the West! ... O you mothers and you wives!» [ibid.]) – в идеальном демократическом обществе, к которому движутся пионеры и к которому должен стремиться весь мир, все равны между собой. «В молчании, не торопясь, демократия вынашивает свой собственный идеал не только для искусства и литературы, не только для мужчин, но и для женщин. Сущность американской женщины (освобожденной от того допотопного и нездорового тумана, который облекает слово «леди»), женщины в полне развитой, ставшей сильным работником, равным мужчине, – ее сущность не только в работе, но и в решении жизненных и государственных вопросов. И кто знает, может быть, благодаря своему божественному материнству женщины станут даже выше мужчин» [Уитмен 1954: 278], – утверждает Уитмен в «Демократических далях» («Democratic Vistas», 1871).

Особую, самую важную роль в этом свободном обществе играют поэты, творцы – певцы нового американского эпоса. Как пишет Уитмен в «Демократических далях»: «Штатам еще никогда так, как сейчас, не требовался современный поэт или современный литератор <...> национальная литература должна стать оправданием и опорой (в некотором смысле единственной опорой) американской демократии» [Whitman 1964: 365–366]:

Minstrels latent on the prairies! <...>

Soon I hear you coming warbling, soon you rise and tramp amid us... [Whitman 2011: 374].

Находясь под влиянием романтиков, в первую очередь трансценденталиста Р. Эмерсона, провозгласившего ценность человеческой личности своей концепцией «доверия к себе» (Self-Reliance), предполагавшей избранничество, уникальность каждого человека, веру в его способности, будущее Америки Уитмен видел в обычном американце, обычном человеке, которого он противопоставлял «самому вредному, отвратительному, что может появиться на земле» – «огромному, разнородному обществу, разжигавшему от изобилия денег, товаров, деловых авантюров, развитому и в чисто интеллектуальном отношении, но совершенно лишенному здоровой моральной и эстетической основы, которая важнее всех на свете денег и интеллектуальных ценностей», – пишет Уитмен в эссе «Поэзия в со-

временной Америке – Шекспир – будущее» («Poetry To-day in America–Shakspeare–The Future», 1881) [Уитмен 1955: 164]. Свободным и счастливым Новый человек, Новый гражданин идеального демократического общества может быть, только слившись с природой: «Демократия наиболее тесно связана с открытым воздухом, она солнечная, и храбрая, и разумная только в союзе с природой», – пишет Уитмен в «Избранных днях» [Whitman 1963: 294]. Подтверждение этим идеям мы видим в следующих строфах:

Not for delectations sweet,
Not the cushion and the slipper, not the peaceful
and the studious,
Not the riches safe and palling, not for us the
tame enjoyment,
Pioneers! O pioneers!

Do the feasters glutinous feast?
Do the corpulent sleepers sleep? have they lock'd
and bolted doors?
Still be ours the diet hard, and the blanket on the
ground,
Pioneers! O pioneers! [Whitman 2011: 374].

Лирическое напряжение к концу стихотворения на первый взгляд спадает: пионеры останавливаются передохнуть, темп стихотворения еще больше замедляется за счет медитативной интонации, создаваемой рядом риторических вопросов о возможности реализовать пионерами поставленную перед ними задачу: «Was the road of late so toilsome? did we stop discouraged nodding on our way?..» [ibid.: 375]. Однако лирический герой не допускает мысли о неудаче: конец стихотворения после небольшого затишья гремит еще яростнее и сильнее, кольцевая композиция произведения, начинаящегося и заканчивающегося призывом маршировать вперед, замыкается, подчеркивая цикличность времени в художественном мире Уитмена, где все повторяется и идет по кругу, где новые и новые пионеры, и уже находящиеся в пути, и еще не родившиеся, пионеры-эмбрионы из будущего («...the followers there in embryo wait behind...» [ibid.: 374]), стремятся вперед навстречу жизни, счастью, радости, равенству, свободе и братству, лежащими в основе собственной демократии Уитмена.

Как отмечает И. В. Никитина, если идеологии свободы и равенства были свойственны и американской, и французской революции, то идеологема братства не стала основополагающей в Декларации независимости США, а «стремление к счастью» – в Декларации прав человека и гражданина [Никитина 2012: 175–176]. Уитменовская демократия, как думается, включает в

себя одновременно идеалы Декларации независимости США и французской Декларации прав человека и гражданина.

Заключение

В стихотворении «Пионеры! О, пионеры!» Уитмен обращается к общемировым аксиологическим аспектам – концепциям мира, жизни. Под пионерством, являющимся необходимой единицей идеологической системы Уитмена, поэт понимает не столько открытие первоходцами западных земель Америки, сколько полноту освоения человеком мира. Америка Уитмена, существующая в его художественном мире в виде некой бытийной субстанции, представляет собой *бытие вообще для человека вообще*, включает в себя весь мир и в то же время она никогда не оторвана от реальной Америки. Это бытие, как и национальный тип мышления Уитмена, отраженный в его поэзии, еще находится в процессе формирования и становления.

Пионеры в художественном пространстве поэта представляют собой новую расу людей предпримчивых, творческих, созидательных, смелых, решительных, гордых, молодых и сильных (в отличие от европейцев), способных преодолеть любые трудности и преграды. Несмотря на то что пионеры – плавильный котел культур и народностей, в своем разнообразии они едины. Пионеры представляют собой авангард мира, это люди, избранные Богом, вышедшие из природы, и их предназначение – вести за собой весь мир, приобщая его к демократическим идеалам. Темы открытия новых сил и горизонтов, переустройства мира придают произведению по-настоящему эпическое дыхание. Единый «звуковой сюжет» стихотворения дублирует его смысловой сюжет: естественный «органический» ритм усиливает природность пионеров.

Идеология радости Уитмена, которой проникнуто стихотворение и вся его поэзия, выражается в бесконечном оптимизме, вере в американца и всё человечество и торжестве жизни, которая берет верх над всеми невзгодами и смертью.

Время в стихотворении Уитмена и во всей его поэзии существует без прошлого и направлено в будущее. Пионеры находятся в непрестанном движении и существуют вечно эволюционирующем, наполненном нескончаемыми жизненными силами – витальностью – «космосе».

Пионерство, общеамериканская культуреяма, в поэзии Уитмена принимает по-настоящему вселенский характер: для поэта, как верно заметил Л. В. Ващенко, «последняя граница» становится «финалом вселенческого исхода с Востока (чуть ли не с библейских времен) до Америки («Моление Колумба»), и дальше – на Дикий Запад» [Ващенко 1999: 366].

Осознавая ведущую роль поэта в жизни народа, Уитмен понимал, что его долг – разъяснить своим читателям, что значит быть настоящей Человеческой Личностью (Personality): «...всмотримся в Человеческую Личность. Внимательно изучая ее, мы задаем вопрос: существуют ли здесь у нас на самом деле мужчины, достойные этого имени? Существуют ли атлетически сложенные люди? Где совершенные женщины, которые были бы под стать нашим материальным роскошествам?» – задается вопросами Уитмен в «Демократических далях» [Уитмен 1954: 273]. Своими пионерскими стихами Уитмен предлагает образ идеальной Человеческой Личности, способной служить примером для подражания и для американцев, и для всех людей в мире. Это, вероятно, стало еще одной, помимо бесконечной веры в «американскую мечту» и наилучшее будущее Америки, и самой главной причиной, по которой за всю свою жизнь, не раз разочаровавшись в том, каким образом американским обществом осуществлялось достижение желаемой поэтом Демократии, Уитмен так и не изменил проникнутое радостью и оптимизмом, написанное в духе романтико-утопической традиции стихотворение, стоящее, таким образом, неким особняком в его поэзии, не лишенной социальной критики общественного уклада того времени.

Примечание

¹Здесь и далее выделение курсивом наше.

Список литературы

Ващенко А. В. Фронтир // История литературы США / под ред. Я. Н. Засурского. М.: Наследие, 1999. Т. 2. С. 349–375.

Венедиктова Т. Д. Поэзия Уолта Уитмена. М.: Изд-во МГУ, 1982. 128 с.

Зверев А. М. Американский романтизм // История литературы США / под ред. Я. Н. Засурского. М.: Наследие, 1999. Т. 2. С. 13–50.

Ковалев Ю. В. Литература США // История всемирной литературы: в 9 т. / под ред. Ю. Б. Виппера. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 551–582.

Кольридж С. Т. Лекция / пер. с англ. Г. В. Яковлевой // Кольридж С. Т. Избранные труды / под ред. М. Ф. Овсянникова. М.: Искусство, 1987. С. 283–285.

Логинов А. Л. Концепт «American dream» в творчестве Уолта Уитмена: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2013. 198 с.

Мендельсон М. О. Жизнь и творчество Уитмена. М.: Наука, 1965. 368 с.

Никитина И. В. Мифопоэтика «Листьев травы» У. Уитмена: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012. 238 с.

Погадаева Е. В. Топор как воплощение американского в «Песне о топоре» (Song of the Broad-Axe) Уолта Уитмена // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. № 3. С. 78–97. doi 10.18522/2415-8852-2024-3-78-97.

Сиротинская М. М. Идея «Предопределения судьбы» в восприятии американских современников: середина XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 2. С. 101–113.

Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 227–252.

Уитмен У. Избранное / пер. с англ. М.: Худ. лит., 1954. 306 с.

Уитмен У. Из статьи «Поэзия в современной Америке – Шекспир – будущее» / пер. с англ. И. А. Кашкина // Иностранная литература. 1955. № 1. С. 162–164.

Allen G. W. On the Trochaic Meter of Pioneers! O Pioneers! // American Literature. 1949. № 4. P. 449–451.

Allen G. W. The New Walt Whitman Handbook. New York: New York University Press, 1975. 423 p.

Asselineau R. The Evolution of Walt Whitman. Iowa: University of Iowa Press, 1999. 392 p.

Bradley S. The Fundamental Metrical Principle in Whitman's Poetry // American Literature. 1939. № 4. P. 437–459.

Fletcher E. G. Pioneers! O Pioneers! // American Literature. 1947. № 3. P. 259–261.

Miller J. E. A Critical Guide to Leaves of Grass. Chicago: University of Chicago Press, 1966. 268 p.

Pattee F. L. A History of American Literature since 1870. New York: The Century Co., 1915. 449 p.

Whitman W. November Boughs. Philadelphia: David McKay, 1888. 140 p.

Whitman W. Prose Works 1892 / ed. by F. Stovall. New York: New York University Press, 1963. Vol. 1. 358 p.

Whitman W. Prose Works 1892 / ed. by F. Stovall. New York: New York University Press, 1964. Vol. 2. 803 p.

Whitman W. Leaves of Grass. New York: Library of America, 2011. 757 p.

References

Vashchenko A. V. Frontir [Frontier]. *Istoriya literatury SShA* [The History of the U.S. Literature]. Ed. by Ya. N. Zasurskiy. Moscow, Nasledie Publ., 1999, vol. 2, pp. 349–375. (In Russ.)

Venediktova T. D. *Poeziya Uolta Uitmena* [Walt Whitman's Poetry]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1982. 128 p. (In Russ.)

Zverev A. M. Amerikanskiy romantizm [American Romanticism]. *Istoriya literatury SShA* [The History of the U.S. Literature]. Ed. by Ya. N. Zasurskiy. Moscow, Nasledie Publ., 1999, vol. 2, pp. 13-50. (In Russ.)

Kovalev Yu. V. Literatura SShA [The Literature of the USA]. *Istoriya vsemirnoy literatury* [The History of World Literature]: in 9 vols. Ed. by Yu. B. Vipper. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 6, pp. 551-582. (In Russ.)

Coleridge S. T. Lektsiya [Lecture]. Transl. from English by G. V. Yakovleva. Coleridge S. T. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Ed. by M. F. Ovsyannikov. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, pp. 283-285. (In Russ.)

Loginov A. L. *Kontsept 'American dream' v tvorchestve Uolta Uitmena*. Diss. kand. filol. nauk [The 'American Dream' concept in works of Walt Whitman. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2013. 198 p. (In Russ.)

Mendelson M. O. *Zhizn' i tvorchestvo Uitmena* [The Life and Works of Walt Whitman]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 368 p. (In Russ.)

Nikitina I. V. *Mifopoetika 'List'ev travy' U. Uitmena*. Diss. kand. filol. nauk [The mythopoetics of W. Whitman's Leaves of Grass. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2013. 238 p. (In Russ.)

Pogadaeva E. V. Topor kak voploshchenie amerikanskogo v 'Pesne o topore' (Song of the Broad-Axe) Uolta Uitmena [The broad-axe as a symbol of Americanness in Walt Whitman's Song of the Broad-Axe]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 2024, issue 3, pp. 78-97. doi 10.18522/2415-8852-2024-3-78-97. (In Russ.)

Sirotinskaya M. M. Ideya 'predopredeleniya sud'by' v vospriyatiii amerikanskikh sovremenников: середина XIX в. [Idea of 'manifest destiny'. Perception by American contemporaries (mid. 19th century)]. *Vestnik RGGU. Seriya 'Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya'* [RSUH/RGGU Bulletin. Series 'Political Science.

History. International Relations'], 2017, issue 2, pp. 101-113. (In Russ.)

Tynyanov Yu. N. Oda kak oratorskiy zhanr [The ode as an oratorical genre]. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 227-252. (In Russ.)

Whitman W. *Izbrannoe* [Selected Works]. Transl. from English. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1954. 306 p. (In Eng.)

Whitman W. Iz stat'i 'Poeziya v sovremennoy Amerike – Shekspir – budushchee' [From the Article 'Poetry To-day in America – Shakspere – the Future']. Transl. from English by I. A. Kashkin. *инострannaya literatura* [Foreign Literature], 1955, issue 1, pp. 162-164. (In Russ.)

Allen G. W. On the Trochaic Meter of Pioneers! O Pioneers! *American Literature*, 1949, issue 4, pp. 449-451. (In Eng.)

Allen G. W. *The New Walt Whitman Handbook*. New York, New York University Press, 1975. 423 p. (In Eng.)

Asselineau R. *The Evolution of Walt Whitman*. Iowa, University of Iowa Press, 1999. 392 p. (In Eng.)

Bradley S. The fundamental metrical principle in Whitman's poetry. *American Literature*, 1939, issue 4, pp. 437-459. (In Eng.)

Fletcher E. G. Pioneers! O Pioneers! *American Literature*, 1947, issue 3, pp. 259-261. (In Eng.)

Miller J. E. *A Critical Guide to Leaves of Grass*. Chicago, University of Chicago Press, 1966. 268 p. (In Eng.)

Pattee F. L. *A History of American Literature since 1870*. New York, The Century Co., 1915. 449 p. (In Eng.)

Whitman W. *November Boughs*. Philadelphia, David McKay, 1888. 140 p. (In Eng.)

Whitman W. *Prose Works 1892*. Ed. by F. Stovall. New York, New York University Press, 1963, vol. 1. 358 p. (In Eng.)

Whitman W. *Prose Works 1892*. Ed. by F. Stovall. New York, New York University Press, 1964, vol. 2. 803 p. (In Eng.)

Whitman W. *Leaves of Grass*. New York, Library of America, 2011. 757 p. (In Eng.)

O Resistless Restless Race: Pioneering as a Central Ideological Concept in Walt Whitman's Poetic World (Based on the Poem 'Pioneers! O Pioneers!')

Evgeniia V. Pogadaeva

Postgraduate Student at the Department of World Literature and Culture

Lecturer in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. motus.animi.continuus13@gmail.com

SPIN-code: 2250-7410

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1655-2673>

ResearcherID: IUO-1215-2023

Submitted 02 May 2025

Revised 13 May 2025

Accepted 15 May 2025

For citation

Pogadaeva E. V. O resistless restless race: pionerstvo kak edinitsa ideologicheskoy sistemy Uolta Utmena (na primere stikhhotvoreniya "Pioneers! O Pioneers!") [O Resistless Restless Race: Pioneering as a Central Ideological Concept in Walt Whitman's Poetic World (Based on the Poem 'Pioneers! O Pioneers!')]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 135–145. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-135-145. EDN ZQIUYY (In Russ.)

Abstract. The article attempts to analyze the ontological and axiological foundations of Americanness in Walt Whitman's poetry using the example of his poem *Pioneers! O Pioneers!*. So far, the phenomenon of pioneering, which is inextricably linked to Americanness, is insufficiently studied in the poetry of Walt Whitman, an important figure in world literature. The paper shows that pioneering is understood by Whitman not merely as the westward expansion of frontiersmen, but rather as the reconstruction of the world and the discovery of its new horizons. In Whitman's poetic universe, pioneering, an all-American cultureme, acquires a cosmic dimension: pioneers become a new race of people leading the world and pursuing the democratic ideals of freedom, equality, brotherhood, and happiness. The pioneer, the Personality long sought by Whitman, becomes an ideal citizen of the New World: creative, industrious, courageous, proud, strong, young – a giant that emerges from nature and succeeds in everything they do. Whitman's ideology of joy can also clearly be seen in the poem: it is manifested in his infinite faith in Americans and mankind as a whole, in the bright future of America, the vanguard of the world, and in the American Dream. In the poem, America is presented as an ontological substance congruent with the cosmos, it is ever-evolving, future-oriented, and in a state of constant flux and amelioration. This substance is the place of existence for all humanity. The image of America, as well as Whitman's national consciousness reflected in his poetry, is in a continuous process of change and formation.

Key words: Americanness; New World; ontological foundations of Americanness; axiological foundations of Americanness; pioneering; Walt Whitman; *Pioneers! O Pioneers!*